

18+

ВИКТОР ИВАНИЦКИЙ

**ГНЕЗДО
ЛЕТУЧЕЙ
КРЫСЫ**

Виктор Иваницкий

Гнездо летучей крысы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56996866

ISBN 9785005116512

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Когда никто не подаёт пример и не наставляет на какой-либо путь, ты вынужден самостоятельно решать, кем ты станешь. И если молодость всё прощает, то те, кто постарше, могут воспользоваться твоими ошибками. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть Первая	6
1	7
2	15
3	25
4	29
4	39
5	42
6	48
7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Гнездо летучей крысы

Виктор Иваницкий

© Виктор Иваницкий, 2020

ISBN 978-5-0051-1651-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я пользовался ею так, как хотел и, если учесть, что точно так же в своё время делал каждый, или, по крайней мере, подавляющее количество «не таких, как все», это было грамотно.

Ею были пропитаны абсолютно все первые листы бесчисленных тетрадей, которые я почему-то именовал дневниками, хотя всё это скорее напоминало наглядные образцы собственной прокрастинации, нежели отчёты о произошедшем.

Она сопровождала меня невероятно долго и, кажется, до сих пор не хочет отпускать. Вернее, я сам отчаянно тяну её на свою сторону.

О, да, это был невероятный опыт. Раздевая её снова и снова, я-таки добрался до того момента, когда снимать уже было нечего, и, намотав её густые волосы на кулак, окунулся с опьянённой головой во всю её бездонную глубину. И, знаете ли, каждый раз, когда я находился в ней, ни разу не по-

смел подумать о чём-то другом.

Её называют Юность, хотя я считаю, что ей больше подходит имя Жизнь.

Жизнь, которой ни за что не захочешь изменить, но отчего-то всё равно хватаешь за руку другую. Или она тебя.

Это случилось и со мной.

Меня так же схватили за руку.

Часть Первая

1

«Оставайся собой, друг, ты отличный парень, и я ни разу не пожалел о том, что называю тебя другом/ Ты станешь актёром, великим актёром, Станиславский будет смотреть на тебя с небес и плакать от счастья/ За сбывчу мечт, что ли/ Мы любим тебя!»

Старый автобус с кожаными сиденьями. С весьма комфортными кожаными сиденьями. Смертный в обуви когда-то популярной американской марки сидит на самом последнем из них. Он увлечён потрепанным сборником рассказов Джека Лондона, хотя, возможно, он просто ищет способ отвлечься. Тем не менее, на первый взгляд, он вполне доволен. Сегодня, в его день рождения, он взымел кофе-машину, помазок ручной работы, кепку-трансформер и чучело пуделя. Безусловно, подарки необычные, и это серьёзный повод как минимум улыбаться. И этот парень улыбается.

Ерунда.

Он просто пьян.

Почему я так уверен?

Так получилось, что этот парень – я.

Я.

Меня называют Макс. Мама желала дать мне имя Хилари, но, к её сожалению, спиногрыз оказался с семьявносящим протоком, поэтому довольствуюсь римским родовым. Отец –

моряк дальнего плавания. Сегодня мне двадцать, но я до сих пор живу со своими родителями. Иногда.

Очередная остановка. Нас, пассажиров, становится чуть ли не вдвое больше. Не мудрено, что шум усиливается, а это отвлекает меня от чтения. Человек в поношенном голубом джинсовом костюме подаёт крепкую руку старой женщине, что не может подняться в транспорт без посторонней помощи:

– Позвольте.

– Спасибо, дорогой мой.

Для неё не имеет значения, как выглядит тот, кто оказывает ей помощь. Её не испугают глубокие фиолетовые рубцы на его зрелом щетинистом лице, по которому из-под шляпы с узкими полями стекают капли пота, её не смутит даже то, с каким интересом он её разглядывает. Она слепа.

– Гляньте, урод помогает уроду!

Шпана в общественном транспорте – это как прыщ на носу всеми ненавистного преподавателя в альма-матере. Хочешь хорошо поглумиться, но опасаясь, так как прекрасно осознаёшь своё положение. А кому-то вообще всё равно.

Но подобные заявления – это уже, согласитесь, слишком.

Я твёрдо уверен в том, что точно так же подумали все, кто услышал этот прокуренный голос, но никто до сих пор не сделал ни одного замечания. Я прячу книгу в сумку и направляюсь к местам, что забиты отморозками. Их четверо: одна пара сидит напротив другой. Я пьян, оттого и уверен

в себе.

– Надеюсь, ты сказал это своим друзьям, парень.

Весь квартет из хулиганов уставился на меня. Один из них даже поднялся со своего, нагретого тощей задницей, места. Прямо передо мной. Нет, дрожи в коленях и других признаков волнения не проявилось, мне почему-то не было страшно. Должно быть, алкоголь действительно прибавляет мужества, или же скорее дело в том, что накачанный второсортным дымом рыжий тип, чем-то напоминающий уродливую школьницу, не представляет из себя никакой угрозы. Пустой, и в то же время пренебрежительный взгляд сверху вниз вынудил меня схватить воротник свитера этого «красавца». На секунду я остановился. Слишком смело для меня. Действительно, смело. Но почему бы и нет?

– Всё в порядке, ребята, – раздался голос позади рыжего. Тяжёлая ладонь легла на его плечо и развернула спиной ко мне. Эта рука принадлежит тому самому оскорблённому мужчине. Он кивает мне головой:

– Спасибо тебе, – он медленно моргает и в то же время снова слегка наклоняет голову, – спасибо.

Рыжий, нахмутив брови, садится на своё место. Я поправляю ремень своей сумки и киваю в ответ. Мужчина по-прежнему смотрит на меня. Очень даже добрый и спокойный взгляд, но почему-то я его не выдерживаю и отвожу свои глаза в сторону. И чего они все уставились? Да-да, все пассажиры на следующих рядах смотрят именно в нашу сторону.

Я обхожу мужчину и встаю у двери. Моя остановка.

До крика красивое небо. Нет, я не стал драть окружающим уши, но, чёрт возьми, я серьёзно впечатлён. Тут же на ум приходят белые пятна собственной биографии, сюжеты которых сопровождал этот тёплый серый цвет там, наверху. Подобные эпизоды особенно хороши своей непостоянностью. Каждый из них ждёшь, как праздник.

– Друг.

Голос позади меня заставил дёрнуться. Нет, он не был громким, всему виной моя задумчивость и неготовность услышать что-либо так близко. Не успел я обернуться, как тот, кто ненамеренно напугал меня, идёт уже рядом со мной. Тот самый мужчина из автобуса.

– Не думай, что я преследую тебя.

– Да я об этом и не думал. Не успел.

Мужчина улыбнулся и протянул мне руку:

– Меня зовут Генри.

Я протянул свою в ответ:

– Меня зовут Макс.

– Пожалуй, это один из немногих случаев, когда я искренне говорю «взаимно», – улыбнулся мой новый знакомый. Улыбаюсь и я.

– Хорошее место для того, чтобы просыпаться в нём каждое утро, – оглядев улицу, заключил Генри. Я пожимаю плечами:

– Возможно. Я живу не здесь.

– А мой дом – на этой самой улице, уже как пятнадцать лет.

Моя физиономия намекает, будто бы это действительно важно и я понимающе киваю.

Генри снова нарушает тишину:

– Здесь живут твои друзья?

– Подруга.

И снова эта неоднозначная улыбочка, чёрт возьми.

Добрая беседа ни о чём. Рукопожатие. Мы знаем друг друга не более десяти минут.

Алкоголь – шёлковое сердце рода человеческого.

Остатки дня освещают улицу, вдоль которой я иду. Обнажённые фонари, сырые скамейки, закутанные в шарфы девочки – все смотрят на меня. Каждый элемент встречной полосы по-своему пугает, когда за рулём неуверенный водитель. Я боюсь неизвестности.

Я начинаю трезветь.

Рука движется по влажным перилам. Я поднимаюсь в дом, в котором она живёт. В дом, в котором на лестничных площадках стоят горшки с цветами и кресла. Старые, но всё же кресла. Здесь уютно. Здесь всегда пахнет выпечкой.

Сигарету. Рука тянется в карман сумки. Я присаживаюсь на одно из предоставленных сидений и закуриваю. Никогда не относился всерьёз к названию своей любимой марки сигарет, но было бы здорово, если стечение обстоятельств будет соответствовать тем словам, что значатся на пачке.

«*Lucky Strike*».

– Макс?

Не могу сказать, что рад её видеть, скорее я просто довольствуюсь тем, что имею возможность говорить с ней.

Проливной дождь, прошедший пару часов назад, не сделал её хуже. Её волосы, которые она обычно выпрямляет перед тем, как выйти на улицу, снова выются. Я ни разу не целовал её под дождём, но видел её в душе. Сейчас она выглядит именно так, как будто только что вышла из ванной. И на этот раз в одежде. Я доволен тем, что вижу. Она чертовски красива.

Я прекращаю курить, встаю с кресла и кладу свои руки на её талию:

– Отлично выглядишь, Валери.

Валери.

Не «Киса», не «Лапочка» и ни в коем случае не «Рыбка». Такие названия я оставлю на тех особ, что имеют дрянную привычку пить дешёвый алкоголь в парадных, попутно отдаваясь таким же растениям. Стереотип? Возможно. Но, на мой взгляд, именно эти варианты им к лицу.

– Ну да, конечно, – скривилась она.

– Я не устану говорить, что у тебя красивые волосы.

– Да-да-да, и мне они очень идут, – кривляясь, вспомнила мои слова Валери.

– Именно.

– Так что ты здесь делаешь?

– Хочу узнать, почему ты не звонишь.

Она хмурится:

– Обычно ты не приходишь ко мне домой, если я тебе не звоню.

– Обычно ты поздравляешь меня с днём рождения. Сегодня второе сентября.

Валери умело создаёт иллюзию расстройтва от того, что забыла:

– Господи, прости, Макс, – она опускает взгляд вниз, – забегалась, забыла. Красивая рубашка.

– Ты это уже говорила.

Она закатывает глаза. Я чувствую себя покупателем, который каждый день спрашивает у продавца наличие несуществующего товара в течение недели. Или даже двух. Разговор может закончиться чем угодно, но я чувствую тупик.

– Может, выпьем?

– Макс, я устала, – протягивает она. Действительно, тупик.

Я убираю руки с её талии. Кто говорит то, что мне не нравится, теряет всю свою красоту. Даже Валери. И всё же у меня выскакивает:

– Прости...

Я не успел договорить.

– Я трахаюсь с другим, Макс. И мне это нравится. Не думаю, что у нас может что-либо быть, после такого-то. Верно?

Неожиданно.

НЕОЖИДАННО.

Да так, что я до сих пор не верю в сказанное. Это всё, что я могу сказать о своих ощущениях. Не буду сравнивать с известным ножом, воткнутым в спину или с чем-то в этом же духе. Нет. Это бьёт по голове. И я уверен, что болеть голова будет долго.

– Шлюха.

Она с издевкой улыбается:

– Всё, пока.

Я смотрю в никуда, слушая её шаги.

– Прости, я...

– Отвали, Макс.

Её дверь закрывается.

Да ёб твою мать...

Я медленно, точно в глупом кино, падаю в кресло. Руки не дрожат, но сигареты найти трудно. Я покидаю дом.

НАХУЙ.

Похоже, дверь этого подъезда закрылась для меня навсегда, как бы это трогательно не звучало. Хотя, что удивительного? Такое свойственно человеку с влажными глазами.

2

Представь себе любовь. Любовь с хорошим вкусом и изумительными формами. У этой любви тонкое чувство юмора, нежные руки и subtilный темперамент. Круглый беззаботный год ты даришь ей тюльпаны, а через какое-то время обезумевшими глазами смотришь порно с её участием. Я уверен, что ты обомлеешь не меньше, чем я.

Нет желания добираться до дома на транспорте.

Мой шаг такой же медленный, как и композиция, что сейчас звучит у входа в круглосуточный магазин. Я знаю её. Обычно она хоть как-то бодрит, совсем не навивает тоску, но сейчас я представляю Валери, стоящую раком. Она оскорбила меня, и именно поэтому я могу различить все её недостатки. Я увижу едва заметную белесую растительность на её квадратном лице, такую же четырёхугольную задницу, которой она так стеснялась поворачиваться во время секса со мной, припоминаю слюни, что текли сквозь тонкие губы в пьяном полудрёме, но, чёрт подери, как же меня всё это... заводит, что ли. Сзади неё – тип, чьего лица я не вижу. И вертится она на его детородном органе так, как я никогда не видел. И не увижу.

Ёб твою мать!

Именно сейчас мой не самый лучший из миров со всеми своими тайнами, загадками, чудесами и супермаркетами те-

ряет цветные краски, праздники и всё живое. Я не вижу никого. Остался лишь я один.

Один.

Один обманутый полупьяный дурачок среди бетонных стен, измазанных и исписанных теми, кто когда-то ходил по этим улицам. Мгновение, и нелепые рисунки и буквы превращаются в размытые, едва различимые лица. Я бы дал им имена и даже огласил бы своими «друзьями», ведь именно ОНИ не дают мне потеряться.

Тем не менее, каким-то образом я попал во двор. Он незнаком, или малознаком, но сейчас это маловажно. Мне просто нужно сесть. И всё равно, что скамья мокрая.

Мокрая.

Интересно, а на сколько мокрая Валери с новым партнёром?

Чёрт!

Приземляюсь на скамью и снова расстёгиваю молнию в поисках пачки. На этот раз никотиновые палочки оказались в моей руке, как только я опустил её в сумку. О, так здесь ещё и полная бутылка виски!

День Рождения.

День, напоминающий, что не все подарки использованы по назначению.

Что ж, сейчас самое время для такого порочного пикника.

Закурив, я пытаюсь открыть бутылку. Теперь мои руки

дрожат, и это порядком мешает процессу.

Терпение, Макс.

Отлично.

Не скурив и половины цилиндра, я бросаю окурок в сторону урны, даже не досматривая, попал ли он в цель. Не похоже на меня. Хотя, пить на лавочке так же не свойственно моим привычкам, но сейчас я на лавочке, и я, чёрт возьми, пью.

Для меня незаметна крепость напитка, ровно, как и косые взгляды прохожих. Я их просто не вижу, но точно знаю: они смотрят.

А мне, знаете ли, всё равно.

И всё же лучше, когда вокруг никого нет. Не стоит сбегать на последний этаж жилого дома или, ещё, хуже, в подвал. Нет. Достаточно сесть в автомобиль. Сесть и уехать, неизвестно куда. Солнечный свет сменит туман, а дома – лес, окрестности которого никогда не видел. Ничего не будет напоминать о прежней жизни, даже песня на радио прозвучит незнакомая, а значит, голова освободится. А, может, и нет.

Вряд ли я об этом узнаю.

Хотя бы потому, что у меня нет машины.

Более того, у меня нет водительских прав.

Тем временем, вместе с виски уходит и день. Я снова пьян, но всё так же спокоен. Не зол, скорее ошарашен.

Удивлён.

Расстроен.

Да!

Я должен был сказать: «Я расстроен, Валери». Был бы ведь совсем другой итог.

БРЕД.

«Хм... А знаешь, у тебя дурной вкус».

В точку!

Да нет. Вряд ли бы её это задело.

– Как дела?

Справа от меня садится девушка, или, скорее, женщина. Женщина с полуприкрытыми красными очами и весьма короткой юбкой. Естественно, это не всё, что я увидел, но это первое, на что я обратил внимание.

– Чего уставился?

Я по-прежнему молчу и хлопаю глазами.

– Как дела, говорю?

– А, нормально дела. Да, всё в порядке.

Я делаю глоток и протягиваю бутылку женщине.

– Я бы сказала «спасибо», но она пустая.

Действительно.

– Прошу прощения.

– Ничего страшного.

Она завивает указательным пальцем тонкую прядь каштановых волос и пристально смотрит на меня. Её ноги скрещены, а губы как бы говорят, что я ей симпатичен.

Да, она улыбается.

Если я попал в мир, в котором женщины сами рисуют стрелки, ведущие в кровать, а бытовые проблемы отпускают

твоё горло, то это здорово. Если нет, то... Всё же, меня всё устраивает.

– Ну а как дела у Вас? – интересуюсь я, облокотившись на сырую спинку скамьи. Женщина наклоняется ко мне:

– Расскажи мне, почему ты грустишь?

– Я просто пьян.

Она пытается сделать таинственный взгляд:

– А грустишь почему?

– Начнём с того, что меня зовут Макс, – я аккуратно беру руку собеседницы и склоняю голову.

– И это тебя беспокоит?

Моё лицо искажает недоумение. Нетрезвое, искреннее недоумение:

– Всего лишь хотел познакомиться!

Что за дура?!

Я резко хватаю сосуд, что всё это время стоял между нами и встаю со своего места. Сделав несколько шагов, я вспоминаю, что поллитровка испита до дна, после чего возвращаюсь к скамье и демонстративно разжимаю кулак над урной, отпуская горлышко тары. Слух опередил зрение – я понял, что промахнулся.

Промахнулся.

Пожалуй, самое подходящее завершение для тошнотворного дня.

Схватив сумку, я бросаю взгляд на незнакомку. Не могу понять выражения её лица. И всё же шаги уводят меня

прочь. Чёрт с ней, с незнакомкой.

– Никому не интересно, во сколько ты встаёшь, Макс.

Чудовищно трудно понять смысл этих слов, а уж тем более будучи под колпаком предмета ирландской гордости.

– О чём Вы?

– Важно то, как ты это делаешь, – её глаза играючи щурятся, – и с кем.

Я всё понял и сказал то, о чём подумал:

– Двести.

С лёгкой улыбкой недопонимания она поправляет волосы:

– Что?

– Сто пятьдесят.

Женщина снова закидывает ногу на ногу и задумчиво отвечает:

– Я полагала, что это ты заплатишь мне за любовь.

Вернувшись на своё место, я кладу сумку на колени.

Незнакомка терпеливо наблюдает за процессом раскуривания мною очередной сигареты. Я выпускаю дым и поворачиваюсь в её сторону:

– Сегодня мой двадцатый день рождения и... В общем, я хочу себе хороший подарок.

Слишком милый смех для проститутки. Да, я развеселил её. Создаётся впечатление, что я знакомлюсь с новоиспечённой выпускницей средней школы.

– Ну, так идём же, Макс.

Она хватает меня под руку и вместе мы покидаем уже пу-

стой и тёмный двор.

Я знал отличное место для продолжения «банкета».

– Не кури в темноте.

Одной рукой бабочка держит меня за руку, а другой отмахивается от табачного дыма.

– Выйди мы на свет, дым стал бы менее противен для тебя?

– Нет, Макс, – к знакомому прищурю добавились ямочки на щеках. Странно, что я не заметил их раньше, – просто так нас смогут увидеть.

Кто?

Масоны?!

– Какие, к чёрту, масоны?!

– О чём ты, Макс?

– А ты о чём?

– Ни о каких масонах я не говорила!

В её голосе пробежала нотка обиды. До чего же удивительно: я смог задеть шлюху, которой даже не заплачу. Хотя, наверное, в этом всё и дело. Я слишком хорош, чтобы она реагировала, скажем, нейтрально.

– Звучание в моей голове необычайно похоже на твой голос. Вот и всё.

Она снова демонстрирует ямочки:

– Ты серьёзно?

Конечно же, нет. Я просто запутался.

– Серьёзной некуда, дорогая, – я выпускаю дым в её полуприкрытый рот и гашу пепел о салатовую бетонную стену. Прикрыв глаза, моя спутница втягивает дым, после чего с тихим стоном выпускает его остатки наружу. Она прислоняется ко мне и облизывает мою щёку:

– Возьми меня.

Стоит заметить, что обстановка не самая формальная. Даже для проститутки. Мы находимся на третьем этаже не так давно заброшенного детского сада. Не могу сказать, почему его внезапно «бросили», но я твёрдо уверен, что хочу трахнуть эту шлюху прямо на подоконнике, у которого мы сейчас стоим. Я не сильно толкаю её к стене.

– Раздевайся.

Не отрывая взгляда от моих глаз, она приподнимает юбку и начинает спускать трусы. Чтобы полностью освободиться от них, ей приходится наклониться, из-за чего её лицо попадает под лунный свет. По-прежнему красные глаза. Так же я замечаю лоснящийся лоб и пару прыщей на подбородке. Противно? Ни в коем случае. Учитывая нынешний стандарт женской красоты, я смело заявляю, что практически любой изъян только добавляет шарма. Разумеется, в пределах разумного. Но внешность той, что уже освободилась от нижнего белья и плавно опустилась на подоконник, меня ничуть не смущает.

Вполне вероятно, что дефектов лица я бы так и не уви-

дел, встретив её, например, в супермаркете. Уверен, в ампула продавца она была бы такой же милой, как и сейчас, будучи работницей коммерческого секса. Вот только у кассы я бы воспринял её иначе: барышня в красной кепке и с престоупно маленькой грудью пробивает твой товар и искренне тебе улыбается, потому что ты тоже не промах. Улыбается, не выдавая своей полигамной сущности. Такой подход и бородавку спрячет. А проститутки... Проститутки, в целом, как социальная группа мне не импонируют, отчего я и обратил внимание на всю эту дрянь.

Кажется, я зашёл слишком глубоко.

И речь идёт вовсе не о крайней плоти – как раз-таки наоборот: друг задремал, как наркоман в Эрмитаже.

– Что-то не так?

– Всё в порядке, я всего лишь не потрахаюсь.

Её мимика рисует сожаление. Блудница опускается на колени и начинает «будить спящего».

Я точно знаю, что это бесполезно.

Бесполезно, как и всё, произошедшее за последние часы. Точно не могу сказать, сколько прошло времени с того момента, как я присел на скамью, зато твёрдо уверен в том, что было бы лучше разойтись по домам.

Просто разойтись по домам, как только она села на чёртову скамью!

Тем не менее, я остаюсь здесь. Со спущенными штанами и грустным членом во рту рабыни любви.

– Макс, что происходит?

Я снова говорю, не подумав:

– Вымышленное семяизвержение и такой же фиктивный крик удовольствия. Вставай.

По-моему, ответ получился достойный.

Настроение приподнято.

Хотя бы настроение.

Она облизывает губы и опять приземляется на подоконник.

– Ты волнуешься?

Я застёгиваю ремень и пожимаю плечами:

– Нет, что ты. Я уже имел дело с девчонками вроде тебя, просто они не сразу говорили о своём интересе к древнейшей профессии.

– Тебя предали?

Я улыбаюсь:

– Ага. ПОИМЕЛИ.

Путана тянется к воротнику моей рубашки.

– Макс...

– Как тебя зовут? – спрашиваю, отстранив её руки.

– Бити, – растерянно отвечает она. Явно неожиданный для неё вопрос.

– Спасибо тебе, Бити.

– За что? – спрашивает Бити. Я же делаю вид, что не слышу. Я спускаюсь вниз.

Действительно, пора домой.

3

– Что-то ты рано.

Мама вышла в коридор, как только услышала звон ключей за дверь.

– Привет, – отвечаю я, поцеловав её в щёку.

– Ну и?

– Что «ну и»?

– Почему так рано?

Нет желания вести диалог. Я не устал и не хочу спать.

Моя мама пьяна.

Да, сегодня юбилей родного сына, праздник, но, чёрт возьми, это уже четвёртый раз за неделю!

– Нагулялся.

В ответ мама изображает лицо, как будто бы её обвинили в убийстве:

– Я не поняла.

– Ничем не могу помочь, – отвечаю ей, попутно развязывая шнурки.

– Что за тон?

Сняв кеды, я снова целую её в щёку:

– Доброй ночи.

Меня тормозит рука, вцепившаяся в воротник.

– Меня заколебал твой пубертат, – шипит голос за спиной.

Я отстраняю руку:

– Какой ещё пубертат?

– А я думала, ты начитанный.

Мама любит лишний раз задеть меня, если я не знаю значения какого-либо слова.

– Мне жаль.

Я закрываю дверь своей комнаты.

Мои пальцы плавно опускаются на клавиши чёрного рояля. Дождь снова барабанит по стеклу, тем самым превращая мои окна в нелепые картины. Хотя, это дело вкуса.

Возможно, ты и сам когда-то играл на рояле. Тебе мешал шум за окном, тебя отвлекали посторонние звуки. Ты закрывал крышку инструмента, запивал раздражение чем-либо крепким и подходил к окну.

Что ты видел?

Я вижу неизвестных мне людей. Кажется, они пьяны. Перед ними стоит человек маленького роста. Пока он вытирает слёзы руками, кто-то из шпаны наматывает на его шею шарф иногородней футбольной команды.

– Давай!

Маленький человек кивает головой и направляется в сторону арки, выкрикивая название сообщества. Если его услышат местные хулиганы, а они его точно услышат, то тут же растерзают вместе с шарфом.

Шпана это обязательно зафиксирует.

И если весь мир действительно театр, то куда лучше быть режиссёром. Не так ли?

– Перекусишь, Макс?

Мама не успокоится до тех пор, пока не ляжет спать.

– Естественно, мам.

– Тогда давай скорее.

– Иду.

Томно вздохнув, я отправляюсь за стол.

– Налить тебе фруктовый сок? – улыбается мама. Да, она улыбается так, как будто бы никакой стычки в коридоре и не было. Это не странно. Но это почему-то раздражает.

– Да, пожалуй, – улыбаюсь я в ответ.

– Тебе томатный или апельсиновый?

– Апельсиновый.

Пока оранжевая жидкость заполняет стакан, я разрезаю стейк и обращаюсь к маме:

– Ты сказала: «фруктовый сок», но помимо апельсинового предложила томатный. Почему?

Закрыв бутылку из-под напитка, мама нахмурила брови:

– Что «почему»?

Ну, подумаешь, ошиблась. Я же знал, что она не в себе. Да какая, к чёрту, разница, в каком мама состоянии? Все имеют право на ошибку. Но, тем не менее, я продолжаю капать воском на серое вещество.

– Томат – это овощ.

Мама, не отводя от меня взгляда, ставит напиток в холо-

дильник, после чего мотает головой:

– И хозяйка я плохая, и как мать отвратительная, так ещё и тупая, к тому же!

– Ничего подобного!

По щеке моей мамы катится слеза:

– Прошу, уйди.

– Мама...

– Уйди!! – она хватается за скалку, – пошёл вон!

Естественно, я встаю из-за стола и направляюсь к двери.

Когда шнурки были зашнурованы, а все пуговицы застёгнуты, я напоследок заглянул на кухню. Мама плачет. В момент, когда лицо самого дорогого мне человека покрывается влагой, я тихо покидаю квартиру.

4

– Ещё два нефильтрованного, пожалуйста, – говорит Марлон официанту, после чего разворачивается ко мне.

Марлон, тот, что Марлон Оутис – мой лучший, горячо любимый друг и водитель по совместительству. Нет, я не плачу ему деньги за потраченное время и бензин – мы нередко катаемся вместе, вот в чём дело.

Только катаемся.

Не опошляйте.

– Какие планы на завтра? – спрашиваю я.

– У Эрмы день рождения...

– Всё ясно.

– Да ты послушай, – наклоняется Марлон, – я поздравление придумал.

– Ну давай, жги.

– погоди, – друг прячет руку в карман брюк и извлекает оттуда свёрнутый клетчатый листок, – вот.

Он прищуренно вчитывается в написанное, после чего прячет текст обратно и, поглаживая густо заросший подбородок, говорит:

– Когда-то мы с ребятами называли тебя не иначе, как стальная челюсть, а теперь... Я, чёрт подери, люблю тебя!

Я всё так же смотрю на Марлона в ожидании продолжения.

– Ну как?

– Это всё?

– А что ещё надо?

– Подарок. Как минимум.

– Подарок будет, – кивает Марлон, – фраза-то как? Сойдёт?

– Я бы сказал, что она восхитительна, но...

– Но?

Мой собеседник заинтригован, а значит, сейчас самое подходящее время избавить его от ярко-розовых очков:

– Это – полное дерьмо, Марлон.

Марлон испепеляет меня ненавистным взглядом и уже готов всадить мне зубочистку в кадык, но он этого не сделает. Хотя бы потому, что пить в одиночестве – прерогатива неудачников, к слову обо мне.

А вот и напитки. Я киваю официанту:

– Спасибо.

Марлон по-прежнему сверлит меня карими глазами.

– Да что с тобой?

– Ну ты и урод.

– Расслабься, друг, – я бью своим бокалом по сосуду, стоящему напротив и не без удовольствия заправляюсь содержимым.

Мой друг так же делает глоток, после чего ставит бокал уже с более приятной физиономией.

– Ты прав. Кактуса будет достаточно.

– Кактуса?!

– Ну да.

– Ты собираешься подарить ей кактус?!

– А что такого?

Действительно, что такого?

– Смотри сам.

– Это всё-таки альтернатива тем же... розам. Они тоже колючие.

И не поспоришь ведь.

Марлон уже осушил бокал, когда у меня оставалась ещё половина.

– Поехали отсюда.

– Может, позволишь мне допить?

– Что ж, допивай, – пожал он плечами.

Кажется, Марлон уже пьян.

Поездка явно не будет скучной.

Город, в котором я живу, не отличается большими размерами, и именно по этой причине мы едем чуть быстрее, чем медленно. Марлон, мой пьяный водитель, наслаждается музыкой и ощущением руля в руках. Диск, что сейчас звучит, мне тоже по душе, поэтому я стараюсь сохранять молчание.

– Как дела у Валери? – пропел Марлон, качая головой в такт.

– Чёрт её знает. Но я полагаю, что неплохо.

– Что это значит, – резко поворачивает голову в мою сто-

рону Марлон, – вы снова поругались?

– Нет, всё закончилось довольно спокойно. Я узнал, что у её влагалища есть ещё один постоянный гость.

Марлон нахмурился:

– Что за бред? Тампон, что ли?

– Нет, мужик, – усмехнулся я, – это не тампон, и не овощ, и не резиновый член. Валери сама призналась мне в том, что её трахает кто-то другой.

– Вот шлюха! – прокричал мой друг. – Чёрт, Макс, целых два года ты делил её с каким-то уродом!

– Полтора. Смотри на дорогу!

– Да, прости. Вот шлюха-то какая!

– И не говори.

– Почему ты сразу мне об этом не сказал? – снова посмотрел на меня Марлон.

– Честно говоря, я и не думал об этом.

– Тебе всё равно?

– Надеюсь, что да.

– Кажется, я снова узнаю настоящего Макса! – ударил по рулю Марлон. – Снова пустишься в омут из мокрощёлок?

Как бы это отвратительно не звучало, я рассмеялся. Говорить мерзкие вещи и тем самым вызывать хохот и одобрение – это одна из главных черт моего друга. В этом весь Марлон.

– Хотя, ты из него и не выходил, из омута этого, – добавил он. – Сколько девок ты перетрахал, пока имел связь с этой

потаскухой Валери? Четыре? Семь? Двадцать три?

– Ну, не двадцать три.

– Но и не семь! На самом деле я помню каждую из твоих девок, я просто пытаюсь тебя взбодрить, – снова вскинул брови Марлон.

Брови. Брови – это самая активная часть лица моего друга. Они двигаются постоянно, вне зависимости от того, что чувствует Марлон. Этакие пушистые волны над карими сонными глазами. Марлон – это всегда артист, пускай даже с пристёгнутым ремнём.

– Каждый раз, когда ты избавляешься от сучек, ты становишься лучше. Вспомни, что было после Кристины, ты стал совсем другим, и всё назло ей!

– Ну, не то, чтобы назло.

– Заедем за хот-догами, – облизал губы мой водитель. Я киваю ему в ответ и засовываю руку в карман джинсов в поисках хоть каких-то денег. Тем временем, мы подъезжаем к круглосуточному кафе у заправки.

– Прибавь громкость, чтобы все знали, что мы слушаем! – завизжал Марлон.

Я всегда поддерживал подобного рода идеи, будучи выпившим, поэтому увеличил звук до максимума. Мы выходим из автомобиля, а «Фольксваген» кричит нам в след голосом Тома Уэйста.

Красота, не правда ли?

– Полный бак, сеньор! – бьёт по холодильнику Марлон. Я

ответшиваю ему лёгкий подзатыльник:

– Мы не собираемся заправляться, идиот!

– Два хот-дога, Сеньор, – уже тише сказал Марлон.

– И кофе, – добавил я.

Забегаловка напоминала всем своим видом спальню шаблонного девственника – везде были салфетки и журналы эротического содержания, что весьма странно для общепита. Да и юноша-кассир всем своим жалким видом как бы намекал: «Ребята, снимите мне, пожалуйста, девочку, а?» Но, заметив, что мы пьяны, парень решил включить крепыша, заговорив с интонацией старого морского волка:

– Соусы добавлять?

– Добавлять, – прищурился Марлон. Нет, это не значит, что он что-то подозревает. Если Марлон щурится, значит у него хорошее настроение.

– Лук добавлять?

– И соусы, и лук, и сосиску, – устало протянул я, на что кассир вытянул шею, подобно ужаленному гусю:

– На тон пониже, пожалуйста.

– А что Вас, собственно, не устраивает, сеньор? – возмутился я, облокотившись на стойку.

– Я ещё раз повторяю, на тон пониже, пожалуйста.

Голос кассира уже дрожал, а глаза покраснели.

– Нет, – задумчиво начал рассуждать Марлон, – Вы не можете повторять ещё раз, потому что Вы это сказали всего один раз. Следовательно, правильно было бы: «Я повторяю,

на тон пониже, пожалуйста», без всяких там «ещё раз».

О, да, я, хорошо понимаю, о чём говорит мой друг. А он всё продолжал:

– Я хочу Вам дать один совет, сеньор. Но не знаю, какой.

Эти слова очень сильно рассмешили меня, и я снова хлопнул компаньона, на этот раз по плечу, после чего снова обратился к кассиру:

– Давайте побыстрее, пожалуйста.

Юноша молча продолжил осуществлять заказ, изредка поглядывая в нашу сторону. Нервно стискивая пластмассовую бутылку с кетчупом, он тщетно пытается выдавить содержимое на сосиску, пока уложивший свою голову на стойку Марлон изображает громкий храп, еле-еле приоткрыв глаза, чтобы видеть мою реакцию. Я снова смеюсь.

– Хватит! – завизжал кассир. Если бы я услышал этот звук за стеной, то точно бы предположил, что кого-то насилуют.

– Чего орёшь? – приподнял глаза Марлон.

– Действительно, что-то ты рановато, – раздался голос позади. Обернувшись, в самом тёмном углу помещения я разглядел фигуру с бумажным пакетом на голове, в котором было три дырки: две для глаз и одна для рта, соответственно. Третье отверстие было очень кстати – человек в тёмном углу пускал густые облака табачного дыма. – Забирайте заказ и идите домой, ребята.

– А в чём, собственно, дело? – поинтересовался Марлон.

– Ну, скажем так: это ограбление, – объяснил человек с па-

кетом на голове, после чего положил на свой столик увесистый чёрный пистолет.

– Потрясающе, Макс! Мы стали жертвами ограбления! – захохотал Марлон.

– Нет, не вы, – воскликнул человек в тёмном углу.

– Забирайте всё, что Вам нужно! – снова завизжал кассир.

Человек с пакетом продолжал:

– Да уйдите же вы, наконец!

– Пойдём, приятель, – я указал глазами в сторону двери, затем повернулся к человеку с пистолетом. – За заказ, как я понимаю, платить не обязательно?

– М? Не обязательно ведь, юноша в красной кепке?

– Нет, совсем нет, – уже плакал кассир.

– Молодой человек говорит, что не обязательно, значит, дело за вами, господа.

Марлон тут же схватил картонные коробки с хот-догами и направился в сторону выхода.

– Всем спасибо, – бросил я напоследок.

– Да не за что, – пожал плечами человек в тёмном углу.

– Поверить не могу, мы стали жертвами ограбления!

Я молча киваю в ответ, пока Марлон озабоченно рассуждает о случившемся.

– Макс, что с тобой?

– Я хреново себя чувствую, приятель. Отвези меня домой.

– Но ты даже не доел хот-дог.

– Отвези, – успел сказать я перед тем, как высунуться в окно и выпустить из себя всё съеденное за день.

– Твою мать! Ты попал на машину?

– Не знаю.

– Нам надо срочно помыть машину! Меня отец убьёт!

– Я не попал, успокойся.

– Точно?

– Проверь!

После короткой паузы, Марлон ответил.

– Я тебе верю.

– Серьёзно?

Марлон снова обратил свои брови в домики:

– Ну да.

– Тогда будь добр, отвези меня домой.

– Ла-а-а дно, – протянул мой друг.

Минуты молчания тянулись ровно столько, сколько я и предполагал. Теперь автомобиль Марлона «кричит» уже под моими окнами.

– Неужели твоих родителей так сильно волнует внешний вид твоей машины? – спросил я, сделав акцент на предпоследнем слове.

– Ну да. Она общая.

– Общая?!

– Да. Всё, выходи.

– Целых три месяца ты уверял меня, что это твоя машина.

Машина, купленная на твои же деньги.

– Ну да. Я скинулся.

– Всё ясно. Спасибо за вечер.

– Пока, – протянул мне руку Марлон, – ещё раз с днём рождения.

Я ничуть не удивлён, что машина принадлежит не ему. Более того, мне абсолютно наплевать. Привычка обманывать друзей ничуть не портит моего друга. В этом весь Марлон.

4

– Бежим, Макс!

И я бегу. Бегу, держась за её руку, пытаюсь обогнать и быть чуть впереди, то и дело поскользываясь на мокрой траве и падая, но почему-то тут же поднимаясь обратно.

– Скорее!

И я ускоряюсь, что даёт обратный эффект – теперь мне кажется, что я стал двигаться значительно медленнее, да и не только я: она будто бы застыла, изображая бег, в то время как дом, к которому мы якобы бежим, становится всё ближе и ближе. Мы – я и она – словно пластмассовые игрушечные люди, которых двигает детская рука к такому же пластмассовому миниатюрному сооружению. И хоть я уже и не двигаюсь, но постепенно начинаю чувствовать сильную усталость. Когда до дома остаются считанные шаги, я снова поскользываюсь и на этот раз отпускаю её руку, приземляясь лицом в неизвестно откуда взявшуюся грязь. Я переворачиваюсь на спину и протираю глаза.

Ночь?

Уже?!

– Валери!

Вокруг – ни души. По крайней мере, я никого не вижу. Снова та же трава и несколько звёзд на куполе, что надо мной. Да, именно на куполе. Я не верю в то, что это небо.

Я не уверен, что это всё по-настоящему. Но всё же я вновь зову её:

– Валери!

Тишина.

Я встаю и начинаю идти. Просто идти, без каких-либо мыслей, как вдруг появляется свет. Я не знаю, насколько он далеко, да и свет ли это вообще – есть подозрения, что всё это иллюзия. Но я иду. Сияние становится всё ближе, и я начинаю различать дом. Дом, до которого бежал, держа за руку свою спутницу.

Это что ещё за шум?!

Я останавливаюсь, и, как оказалось, правильно делаю – мимо меня проносится поезд, поезд без начала и конца. Но я не отчаиваюсь. Это же, блядь, вымысел. Ведь оказавшись ночью в мокрой траве перед бесконечным составом поезда невозможно почувствовать тепло одеяла и шершавый язык пса в области рук.

– Квентин, отвали.

Английский кокер-спаниель, наострив свои рыжие уши, перешагнул кусок одеяла и принялся вылизывать моё сонное лицо.

– Квентин!

Спрыгнув с кровати, пёс, виляя крохотным кусочком купированного хвоста, посмотрел на меня и убежал в коридор.

– Доброе утро, сынок.

– Доброе утро.

Я целую в щеку склонившуюся надо мной маму. Она ничего не помнит, зато свежо выглядит. Так было всегда. Да и вряд ли что-то изменится.

– Я пожарила тебе яичницу.

– Спасибо.

– Покажешь мне подарки?

– Они на кресле. Я пойду в душ.

– Этот пудель, как настоящий!

– Угу.

Закрыв дверь ванной, я поворачиваюсь к зеркалу. Недурно, Макс, недурно. Самое пивное лето в моей пока ещё короткой жизни наградило меня круглым пузом, пусть и не большим, но пузом.

А что, это тоже неплохо. Всегда считал, что накачивая пресс, молодые люди показывают скрытое желание отсосать собственный член.

Вздор.

Мне всего лишь лень что-либо делать с собственным телом. И этот шар я оставлю. Уеду в Ирландию, вылью в себя весь «рыжий» бар и подерусь с каким-нибудь работягой, после чего станцую, выкатив в руки официантки своё ПУЗО. На данный момент это всё, чего я хочу от жизни.

5

– Что бы ты сделал, застав их в постели?

– Ничего.

Оуэн ехидно рассмеялся. Пожалуй, это единственное, что он может сделать, если беседа никак не складывается.

Оуэн – человек, которого я знаю со школы. Он водится с такими ребятами, как я и Марлон. Никогда не слышал, чтобы он общался так же тесно с кем-то ещё. Тем не менее, я не могу назвать его своим другом.

Оуэн – товарищ.

Нет.

Оуэн – знакомый.

Верно.

– Всё будет хорошо, Макс, – хлопнул он меня по плечу.

– У меня и так всё хорошо, Оуэн.

Он опять рассмеялся, после чего сделал такое лицо, будто бы это он изменил мне. Оуэн всегда переигрывает, и всему виной – дешёвое кино, которое он смотрит каждый вечер вместе со своей девушкой.

– Думаешь, я не понимаю? Это всё эгоцентризм, Макс.

– Что?

– Я не то хотел сказать.

– Вот тебе и восемь классов образования.

На самом деле, я не считаю, что школа и образование –

вещи тесно связанные. Я всего лишь хотел разозлить Оуэна. И у меня это получилось.

– По крайней мере, я работаю.

– Разносчиком газет.

– Но я работаю! – уже вопил Оуэн.

Я решил сменить тему, и, указывая на кипу газет, спросил:

– Что бы ты сделал, застав их в постели?

– В смысле?

– В прямом. Подъезжаешь к дому на своём велосипеде, хватаешь транспорт и несёшь его до самой квартиры, пешком, целых три этажа. Ну, как обычно. Открываешь дверь, паркуешь велик возле кладовки, заходишь в спальню, а там лежит вот эта куча газет.

– Что ты несёшь? – процедил сквозь зубы Оуэн.

– Я что, сказал какую-то ерунду?

– Ты городишь полную чушь, Макс.

– Взаимно, Оуэн. И на этой не самой весёлой ноте я предлагаю закончить наш разговор, Оуэн. Спасибо за чай, Оуэн.

Проводив меня взглядом до самой двери, он молча протягивает руку. Проигнорировав этот жест, я выхожу в парадную и, уже спускаясь вниз, говорю:

– До свиданья, Оуэн.

Квартира разносчика газет позади, а значит, вечер не совсем испорчен. Да, этот маленький городок слишком мерзок и дождлив для пеших прогулок, но в его подземке достаточ-

но уютно. Псевдокалеки, шпана, эксгибиционисты, проститутки – весь звёздный состав низшей криминальной ступени как на ладони.

Сегодня это место забыто не только Богом – на этот раз здесь почему-то пусто. Жёлтая исписанная кафельная плитка по обе стороны перехода ведёт меня к распутью, и я сворачиваю направо, туда, где никогда не горит свет, а затем налево, к выходу на нужную мне улицу. Барабанная дробь, и я замечаю у стены парней. Пока один из музыкантов с ударным инструментом, висящем на шее, отбивает ритм, второй смотрит в мою сторону и поглаживает гитару. Я останавливаюсь напротив них, и, прислонившись к стене, закурываю сигарету.

– Человек заинтересован, Ронни, остановись!

Парень по имени Ронни тотчас прекращает игру.

– Чего желаете?

– Что-нибудь пасмурное, с привкусом ЛСД.

Под одобряющие взгляды музыкантов я, засунув руку в карман, пытаюсь угадать, что за мелодия неприятно обливает мои уши. Увидев недоумение на моём лице, Ронни спрашивает:

– Не угадал?

– Честно говоря, нет.

– Это же Джимми Моррисон!

– Ох, и в правду же, – понимающе кивнув, солгал я.

В ответ громко проорчал чей-то желудок.

– Мне больно жить в мире, где срок годности молока составляет всего семь дней, – схватившись за живот, выдавил Ронни.

– Всего семь дней?! По-моему, этого достаточно, – наконец заговорил второй музыкант.

– Но...

– Замолчи, Ронни, в этом только твоя вина.

Покосившись на приятеля, Ронни принимается складывать барабанные палочки в рюкзак.

– Ну и какого, блядь, хрена ты делаешь? – спокойно поинтересовался парень с гитарой.

– Собираюсь уйти, это же очевидно, – так же невозмутимо ответил Ронни.

В это же мгновение мы будто перенеслись на столичный вокзал – крики, топот и прочий шум приближался оттуда же, откуда сюда пришёл я.

Зачем-то прислонив указательный палец к губам, гитарист прошептал:

– Очень даже вовремя. Я люблю тебя, Ронни.

Я не видел, куда упал окурок. Наверное, он коснулся земли лишь тогда, когда переход со всем этим шумом остался позади, и мы уже бегло топтали улицу.

– Хорошенькая официантка.

– Успокойся, Ронни. Она доступна только красавчикам.

Либо неудачникам. А ты, – гитарист нахмурился, затем оживлённо щёлкнул пальцем, – а ты везучий уродец.

– Иди к чёрту, Слоан!

– Ладно, ладно, – как бы защищаясь, отодвигается Слоан, после возвращается в прежнее положение и, треснув кулаком по столу, завершает, – ты уродливый везунчик.

Мне смешно. Ронни так же разглядел шутку и с улыбкой прикрылся ладонью.

– Необычное имя, Слоан.

– Ну, конечно, куда лучше назвать ребёнка Макс, да, блядь?

Я недоумеваю:

– Откуда ты зна..?

– Я что, правильно назвал твоё имя?

– Да, ты абсолютно правильно назвал моё имя.

Слоан, разглядев моё замешательство, тянется к моему затылку, делая резкое движение рукой так, что я рефлекторно моргаю, и вот он, мой проездной билет в его левой руке.

– Больше не теряй.

– Хороший фокус, спасибо.

– Да это и не фокус вовсе, – отмахивается Слоан, – солгал я тебе, когда ляпнул чушь про твоё имя. Приятно познакомиться, Макс.

– Да, приятно познакомиться, – подхватил Ронни.

– Взаимно, парни.

– А вот и пиво.

– Спасибо.

– Спасибо!

– Пожалуйста. Что-нибудь ещё?

– Чуть позже. Благодарю.

Пока Ронни провожает взглядом официантку, я обращаюсь к Слоану:

– Почему мы побежали?

– Это всё гопота. Гопота, кокни, мусор, уроды, да как хочешь. Собирают дань с попрошаек да музыкантов.

– Да, они терпеть не могут музыкантов, – очнулся Ронни.

– Уличных музыкантов, – уточнил Слоан.

Я поднимаю свой бокал:

– Что ж, за музыкантов.

– За музыкантов!

6

Автомобиль плавно останавливается у недавно построенного четырёхэтажного дома. На улице на удивление тихо. Тихо и темно. Марлон отстёгивает ремень безопасности и упирается подбородком в руль.

– Всё-таки кактус – идиотский подарок.

– Ты сам, как кактус, друг, – по примеру Марлона я освобождаюсь от ремня и отодвигаю сиденье, – в день рождения любимой мог бы и побриться.

Не меняя своего положения, он пробубнил:

– Я не люблю её. И с бородой я выгляжу мужественно.

– Мужественно? Не забывай, что ты по-прежнему живёшь с родителями.

– Это не важно. А вот и Эрма.

Марлон потянулся к ручке двери и тут же вернулся к рулю, округлив глаза и наблюдая через лобовое стекло за Эрмой.

– Что за?..

– Она всего лишь выбрасывает мусор.

– Ага. Ночью. Она наверняка что-то скрывает от меня.

– Тогда почему ты до сих пор здесь?

Повернувшись ко мне, Марлон разводит руками:

– Потому что нужно подождать, Макс!

Действительно.

И снова тишина. Слишком громкая тишина, чтобы чувствовать себя спокойно. Марлон вылезает из машины:

– Пошли!

– Куда?

Просунув голову в салон, он объясняет:

– Я собираюсь проверить наличие презерватива в мусорном баке.

– Я не собираюсь рыться в проклятом мусорном баке вместе с тобой!

– Рыться не придётся, пакет лежит сверху, – на ходу объяснил Марлон.

– А ты отчаянный, никогда не замечал за тобой этого.

– На этой улице даже помойка не воняет, – окунув руку в мусорный бак, продолжал он, – я хочу быть уверен в том, что Эрма верна мне.

– Откуда взялись эти слепые суждения по поводу неверности? – воскликнул я. Вероятно, моё недоумение хоть как-то его успокоит.

– Вот он, – промолвил Марлон, разорвав пакет и вывалив содержимое на плитку, – вот он.

– Зачем ты мусоришь?!

– Вот он! – повторил Марлон.

– Это пищевая плёнка!

Бросив пустой пакет на кучу мусора, мой друг отправляется к машине:

– Я слишком сильно забиваю себе голову.

– Вот именно, блядь.

– Я слишком сильно забиваю себе голову! – рыкнул он и ударил ногой по двери.

Марлон поцарапал машину, которая принадлежит его родителям.

– Твою мать!

– Как видишь, есть проблемы посерьёзнее.

– Твою мать!

– Садись за руль, пора по домам.

– Но я хочу кофе. Поехали к тебе.

– Господи, Марлон! Поехали ко мне...

Мама часто говорит мне, что вот-вот сядет на диету, чтобы к возвращению отца выглядеть так, как двадцать лет назад. Она обещает и мне, и самой себе, что бросит алкоголь и перейдёт на воду и творог. И я задумываюсь. Верю ли я ей, потому что безумно люблю, или мне уже плевать, потому что всё, что мама говорит, мне безразлично? Чертовски неприятно, но всё же, я размышляю об этом каждый раз, когда вижу маму на кухне с бокалом пива в руке. Сейчас она разговаривает по телефону. Услышав, что я зашёл, она обращается ко мне:

– Иди поздоровайся с бабушкой.

– Я здороваюсь с ней каждый день.

Каждый день.

Каждый божий день моя мама созванивается с бабушкой, а если этого не происходит, значит, в доме нет того, что заставило маму позвонить – алкоголя.

– Ты давно с ней не разговаривал.

– Мама, я не один. Марлон, заходи быстрее.

Когда на пороге появился Марлон, мама тут же оживилась:

– Кофе?

– Здравствуйте, тётя Хелен. Кофе.

До двух часов ночи мы пили кофе, коньяк, снова кофе,

курили и спорили, какую песню поставить под атмосферу, царящую на кухне.

Метаясь от Джими Хендрикса и «Джефферсон Старшип» до Брайана Ферри и «Мэззи Стар» мы-таки осушили бутылку, молча слушая Мадонну.

– Проводи меня. Доброй ночи, тётя Хелен, спасибо Вам.

– Приходи ещё, Марлон.

«Приходи, дорогой друг, но, пожалуйста, не учуди ещё что-нибудь», – думал я, глядя на пламя, поднявшееся в подъезде над Марлоном.

– Зачем ты поджёг провода?!

Сквозь слёзы пьяной радости он провизжал:

– Пока!

Двери лифта захлопнулись.

Докуривая сигарету, я простоял ещё несколько минут, глядя на огонь.

– Макс, – послышалось сзади.

Лори. Милое создание Лори, скажи мне, почему ты так красива?

– Добрый вечер.

– Уже ночь, вообще-то, спать пора, – сонным голосом пропели улыбающиеся губы девушки.

– В таком случае, спокойной ночи.

Я приобнял её. Она медленно поцеловала меня в губы и тут же отстранилась. Лет семь назад она даже была в меня влюблена.

– Я вышла на запах дыма.

– Понятия не имею, как это случилось, руки бы оторвал этим паршивцам.

– Нам не отключат телевидение?

– Отключат. Но только не из-за пожара, это уже слишком.

– Если отключат, ты ведь всё сделаешь, как было, да?

– Да, как было, – передразнив Лори, улыбнулся я.

– Дурак.

– Идиот.

– Не идиот. Просто дурак.

– Странно, что ещё никто не вышел.

– Все, наверно, спят. Одни мы с тобой бодрствуем.

Я вздохнул, чувствуя, что разговор не особо клеится:

– Увидимся. Милая, милая Лори.

– Пока, – соблазнительно протянула девушка, снова поцеловав меня в губы.

Нас не возбуждают женские руки, потому что они доступны для того, чтобы на них взглянули или потрогали их. В эпоху порнографии нам доступны все части тела. Идеальная женская грудь на голубом экране – такое же обычное явление, как второе число в сентябре. Вероятно, именно поэтому меня привлекают барышни не лучшего, точнее, не общепризнанного сорта – то, что они скрывают под одеждой, удаётся разглядеть значительно реже. От нас упорно пытаются спрятать то, что принято считать безобразным. Но кто-

то же начал осваивать Космос, не так ли?

Прошлым летом я имел связь с женщиной тридцати пяти лет.

Случайно оставив в библиотеке сумку, я был вынужден вернуться обратно. Сама библиотека находится на моей улице, и я никогда не беспокоюсь о сохранности своих вещей, забытых внутри помещения, но так получилось, что в сумке лежали ключи от квартиры. Три ступени вверх и деревянная дверь с поцарапанным глазком позади, я прошёл в читальный зал. Обычно до десяти часов вечера в библиотеке остаётся всего один человек, чтобы прибрать оставленные читателями на столах книги, выключить свет и закрыть за собой дверь на замок. В тот день эта роль выпала Мишель. Она сидела за своим столом и читала что-то из Буковски. Не знаю, чего именно она стеснялась: меня или своей гиперметропии, но она тут же сняла очки. Я заговорил:

– Никогда не видел Вас в очках.

– Я надеваю их только тогда, когда читаю.

– Вы читаете постоянно, и на моём веку всегда без очков.

Вам нечего стесняться, Мишель, Вас вряд ли что-то испортит. Разве что чашка чая, которую Вы можете предложить мне вместо того, чтобы угостить вином.

В ответ она тихо рассмеялась, чуть прикрывая губы тонкими пальцами, словно кусая ногти. Меня приводит в восторг, когда женщины кусают ногти. Это откидывает им десяток лет, превращая в неприступных девиц.

– Это свидание?

Я пожал плечами:

– Нет, я всего лишь забыл сумку.

Мне было необходимо поиграть с ней, чтобы понять, способна ли взрослая женщина сделать первый шаг. Да, именно первый шаг. Его сделал отнюдь не ваш покорный повествователь, он всего лишь подбросил Мишель идею.

Привстав, Мишель отодвинула кресло и вышла из-за стола. Как оказалось, не ко мне. Она направилась в коридор, по пути окинув меня непонятым на тот момент взглядом. Закинув сумку на плечо, я молча засеменял к выходу.

– Уже уходишь? – появилась из кабинета голова Мишель, – для кого же я тогда чайник поставила?

Наши лица расплылись в улыбках, и мы молча стояли, глядя друг на друга секунд десять – я, облокотившись о стену, и она, кусая пухлые не накрашенные губы.

Её тело значительно отличалось от понятия «идеал», но я не припомню, чтобы возбуждался так же сильно, как в тот вечер. Идеал – слишком субъективная оценка? Возможно. Но скорее истина в том, что я всегда хотел женщину старше себя. Я любил её на деревянном столе тускло освещённого кабинета до тех пор, пока не зазвонил телефон, который тут же был сброшен на пол. Следом за аппаратом свалились вниз и мы, страстные и увлечённые процессом настолько, что не заметили, как часы на стене пробили десять.

Она возбуждала меня даже тогда, когда была укутана

в нелепый из-за своего узора плед, стянутый с дивана. Она мешала ложкой уже остывший чай и увлечённо рассказывала мне о своём муже, и я её слышал. Но не слушал. Я влюбился не в Мишель, я сходил с ума по её телу, я разглядывал её красивые бледные ноги и просто восхищался.

Сейчас я лежу на Лори. Её тело действительно напоминает модельную оболочку. И нам действительно отключили телевидение.

– Почему ты раньше не целовал меня?

– Ты была слишком юной.

– Я по-прежнему младше тебя на пять лет, Макс.

Двадцать минус пять...

ПЯТНАДЦАТЬ.

– Пятнадцать!

– Почти шестнадцать.

– Лори, девочка, прости!

– Ты пока ничего не сделал.

Ты пока ничего не сделал, Макс.

Твою ж мать!

Но почему я снова тянусь к её губам? Она не против. Но Макс!

– Макс! – вскрикнула Лори, – что ты делаешь?!

Поцелуй длился достаточно для того, чтобы мы успели оголить друг друга, и сходил с ума я не на шутку. Я чуть не вошёл в Лори.

– Лори, прости!

– Надень презерватив, пожалуйста, – спокойно ответила она, указывая головой в сторону тумбочки.

Тело Лори.

Изумительное тело. Конусовидная грудь, плоский живот, растительность на лобке, ноги танцовщицы. Я встречал всё это, мне нередко доводилось разглядывать подобное, и именно поэтому меня так волнуют неидеальные женщины.

А сейчас. А что сейчас?

Я как будто бы становлюсь ровесником Лори, и в то же время ощущаю ответственность за её невинность, за её ощущения, за её чувства и дальнейшее отношение к сексу и мужчинам в целом.

О, нет, если я и чувствую себя на шестнадцать, то Лори в моих затуманенных возбуждённых глазах становится ещё младше.

– Прости, девочка, прости.

Она молча садится на кровати. Пока я одевался, Лори не сдвинулась с места, положив ладони на аккуратные коленки.

– Со мной что-то не так?

– Это со мной не так что-то, солнышко.

– От меня вкусно пахнет.

– Господи, да, Лори, девочка, – я не нахожу слов. Мне так хочется успокоить её и обнять, но это... Блядь, до чего же это странно и омерзительно, ведь я прекрасно помню, как смотрел на взрослых парней, приходивших за моими одно-

классницами. Я принимал их за извращенцев или тех, кто не пользуется спросом у сверстниц. «Что за урод? Теперь понятно, почему староста так странно ходит».

– Одевайся и закрой за мной дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.